

Ню Юйхуань прикрыла рот рукой, смеясь:

— Вы с отцом — один смело командует, другой послушно ждет. Почему ты так его слушаешь?

— Мне некуда идти...

— Тебе почти шестнадцать, пора бы уже больше гулять и искать красавицу! Не трать молодость зря!

Фан Шу, услышав это, подражая отцу, сделал жест, будто гладит бороду:

— Ахуань! Ты, непорядочная женщина! Что это за неприличные слова ты шепчешь сыну?

После этого мать и сын рассмеялись. Ню Юйхуань, подняв бровь, сказала:

— Твой отец как раз и любит мою непорядочность наедине!

Фан Шу покраснел, и Ню Юйхуань, видя, что ему неловко, сказала:

— Ты как твой отец! Неужели тоже будешь стесняться?

Священные книги уже не помогали, и он сдался:

— Мама, хватит, я пойду, ладно?

— Молодец! Если найдешь ту, что по сердцу, расскажи мне, мне очень интересно!

На следующий день рано утром Фан Шу пошел за Фан Янем. Другие чиновники выезжали на паланкинах, пусть не на восьми носильщиках, но хотя бы на четырех. У Фан Яня не было ни паланкина, ни охраны. Он был одет в холщовую рубаху, держал бамбуковый веер и шел быстрыми шагами, как будто спешил по нужде. На самом деле это была его привычка — он считал, что медленная прогулка — это пустая трата времени.

Фан Шу уже вырос до роста отца, его тело начало формироваться, но он был слишком худым, и холщовая рубаха висела на нем мешком. Рубаха была новой — Фан Шу в этом возрасте быстро рос, и за три дня он вытянулся на целый вершок. Старая одежда стала коротка, и Ню Юйхуань, занятая делами, заметила это только вчера. В этом возрасте дети очень заботятся о своей внешности, поэтому она за ночь сшила ему подходящий наряд.

Отец и сын, оба в холщовых рубахах, стояли прямо, как сосны. Фан Шу был красив, и многие девушки и женщины украдкой смотрели на него. Как говорится: красавец только расцвел, лицо как магнолия, спина как сосна, заставляет девиц трепетать, а старух слюнки текут.

Фан Шу чувствовал себя неловко, словно ему в спину впивались иголки. Наконец они

добрались до Управления патрульной службы, где их встретили два младших офицера и провели внутрь. Во дворе стояли несколько мужчин с голым торсом.

Фан Янь сказал Фан Шу:

— Ты не заходи, жди здесь.

Фан Шу почувствовал, как в его душе бушуют волны. Он знал, что так и будет. Не стоило слушать мать и приходить сюда, чтобы снова целый день мучиться.

Фан Шу, не имея выбора, сел на скамейку. Двор был размером в три му, в центре росло большое дерево баньян, под которым стояли два желтых деревянных кресла. Была ранняя весна, и дул легкий ветерок.

Он смотрел, как муравьи тащат свои ноши, и наблюдал за облаками, но ему было скучно. Его внимание привлек маленький мальчик среди голых мужчин. В то время как другие делали пятьдесят отжиманий, он делал семьдесят. Когда другие бегали с каменной перекладиной вокруг двора двадцать кругов и уже задыхались, он, несмотря на свой маленький рост, бежал с той же перекладиной тридцать кругов. Это, видимо, было обычным делом, так как остальные не обращали на это внимания.

Фан Шу наблюдал за этим два часа, пока не настало время обеда. Его живот заурчал, а отец, как всегда, забыл о нем. Все ушли, а мальчик все еще стоял в стойке.

Фан Шу, опершись головой на руку, увидел, что мальчик не собирается отдыхать, и, заинтересовавшись, подошел к нему. Он почувствовал, как затекла нога:

— Мальчик! Почему ты не отдыхаешь и не ешь?

Фан Шу подошел к нему и увидел, что его лицо было покрыто грязью и потом, превратившись в грязевую маску. Черты лица были неразличимы, но нос был прямым и четким. Он был худым, а на груди висела белая нефритовая бусина на красной нити, которая блестела, как белый лотос, выросший из грязи, и оставалась чистой. Это было красиво.

Мальчик, стоя в стойке, был ниже груди Фан Шу.

Впервые в жизни Фан Шу попытался заговорить с кем-то, но не удостоился даже взгляда. Мальчик даже не моргнул. Фан Шу, рассердившись, протянул свою изящную руку и ткнул его в грудь. Даже слепой и глухой почувствовал бы это.

Как он и ожидал, получил не слишком приветливый взгляд.

— Грязный обезьян! — Фан Шу наклонился, чтобы посмотреть ему в глаза. — Брат с тобой разговаривает! Невежа!

Мальчик молчал.

— Может, ты немой? — Фан Шу обошел его вокруг, внимательно разглядывая.

Мальчику стало неловко.

Его голос, только начинающий ломаться, был грубым, но с ноткой мягкости. Наконец он произнес:

— Я не немой!

Фан Шу, увидев, что он забавный, решил подразнить его:

— Если не немой, почему не отвечаешь? Видно, что тебя никто не воспитывал!

Мальчик внезапно встал, сжал кулаки, и в его глазах вспыхнул гнев.

Фан Шу испугался. Хотя он был выше, он был всего лишь писарем, а сила мальчика была немаленькой. Один удар мог быть для него болезненным.

Фан Шу отступил на два шага:

— Мудрецы спорят словами, а не кулаками!

Мальчик повернулся, чтобы поднять свою куртку, игнорируя его.

Фан Шу шагнул вперед и загородил ему путь:

— Грязный обезьян, брат голоден, отведи меня в столовую Управления.

Мальчик, не имея выбора, остановился и спросил:

— Ты не гость моего учителя?

— Ты ученик господина Цзэна?

Он кивнул.

— Учитель разговаривает, а меня не взяли. Грязный обезьян, ты должен быть гостеприимным!

Мальчик широко раскрыл глаза:

— Меня зовут не грязный обезьян, меня зовут Хо Тайлин!

— А-а, — Фан Шу сделал вид, что понял. — Как пишется?

— Хо, как Хо Цюйбин, Тай, как платформа, Лин, как приказ.

Фан Шу, улыбаясь, сказал:

— Понятно... Отведи брата поесть, я умираю от голода!

— Время обеда прошло, столовая открыта только на полчаса, — сказал Хо Тайлин, и его живот тоже заурчал. Грязь скрыла его покрасневшее лицо.

— Что же делать? — Фан Шу задумался, пошарил в кармане и нашел два цян, которые мама дала ему вчера. — Брат угостит тебя лапшой на соседней улице!

Фан Шу схватил его за руку, но Хо Тайлин вырвался:

— Не могу, нужно спросить разрешения у учителя!

— Учитель занят важным делом! Не мешай ему! Если спросят, скажи, что сын Фан Яня взял тебя с собой! — Фан Шу, нарушая правила, заставил и другого их нарушить. Отец подставил сына, а сын подставил отца.

Мальчик, потеряв свою отстраненность, проявил робость:

— Я весь грязный, нельзя выходить.

Фан Шу, видя, что он интересный, обрадовался. Благодаря отцу у него никогда не было друзей, и теперь он нашел сокровище.

— Иди умойся, брат подождет у входа!

Через мгновение мальчик кивнул.

Довольный, Фан Шу, изображая взрослого, медленно пошел к воротам, оставляя в воздухе свои слова:

— Поторапливайся!

«Грязный обезьян» бросился к заднему двору.

Фан Шу, ожидая, начал нервничать, пиная камни у ног. Вскоре он увидел чистого и

аккуратного мальчика, бегущего к нему. Видно было, что он тщательно причесался, оделся в облегающую черную рубашку с фиолетовой отделкой, которая подчеркивала его худобу. Бусина на груди на черном фоне светилась фиолетовым светом.

Подойдя ближе, Фан Шу разглядел его черты — они были очень красивыми, особенно брови, густые и выразительные. Если бы он вырос, то, наверное, стал бы бедой для многих девушек.

Хо Тайлин тяжело дышал, видимо, слишком быстро бежал. Его лицо было красным, и он тихо сказал:

— Прости...

— Заставил брата ждать! — Фан Шу притворился сердитым, и Хо Тайлин опустил голову, вертя пальцами, как обиженная невеста.

Фан Шу не выдержал и рассмеялся. Мальчик, услышав смех, поднял голову и тоже глупо улыбнулся.

— Я смеюсь над твоей глупостью, а ты над чем?

— Брат, ты красиво смеешься...

— Эй! Смотри, какой ты скромный, а говоришь, как масло в рот набрал!

<http://bllate.org/book/15514/1378325>